

Евгений Парушин

Книга снов

Я странник

Евгений Парушин

Книга снов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14343266

ISBN 9785447437473

Аннотация

Каждый сон – это урок для души. Перед Вами Книга снов – снов коротких, насыщенных и необычных. Немножко философии и мистики. Немного грусти. Вторая часть книги – три весёлых миниатюры с лёгким философским уклоном. И на закуску – три фантастических рассказа для взрослых и детей.

Содержание

Я странник	5
Книга снов	10
Маленькая победа духа	10
Озеро	14
Восход	17
Валун	20
День и ночь	22
Эстакада	27
Ночной урок	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Книга снов
Я странник
Евгений Парушин

© Евгений Парушин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я странник

Я странник, я пришёл сюда из вечности и уйду в неё, потому что я странник.

Я странник, я следую потоку, лишь иногда выбираясь из него, чтобы отдохнуть и осмотреться по сторонам, потому что я странник.

Я странник, я одинок на своём пути. Лишь иногда мой путь совпадает с чьим-то и тогда мы идём рядом, помогая друг другу, потому что я странник.

Я странник, я лёгок и свободен в своём выборе. У меня нет проблем в этом мире, потому что я странник.

Я странник, я смотрю на этот мир беспристрастно, он не мой, хотя сейчас я часть его, потому что я странник.

Я странник, меня ничто не держит в этом мире, но пока он мне интересен, я останусь здесь, потому что я странник.

Я странник, я могу быть кем угодно и могу быть никем, потому что я странник.

Я странник, у меня нет страха перед этим миром, мир не может мне навредить, а может лишь отказать мне в приюте. Тогда я покину его без сожаления с лёгкой грустью, потому что я странник.

Я странник, я вижу и понимаю людей и не сужу их. Это их мир, потому что я странник.

Я странник, я заглядываю в души, как в окна. У одних они открыты, внутри светло, а на подоконнике сидит довольная жизнью кошка. У других темно и сумрачно. У многих просто пусто. Но это меня не волнует, потому что я странник.

Я странник, мимо меня проносятся бури и страсти людей, их судьбы, они раскачивают и несут меня, но, проносясь мимо, остаются лишь иллюзией, потому что я странник.

Я странник, я могу ввязаться в любую битву и в любой момент выйти из неё. Мне нет нужды быть ни победителем, ни побеждённым, потому что я странник.

Я странник, у меня нет долгов и обязательств перед этим миром, кроме тех, которые я сам взял, и в любой момент я могу от них отказаться, потому что я странник.

Я странник, и попав в водоворот событий, я не спешу вырваться из него. Я знаю, что всё пройдёт, потому что я странник.

Я странник, я не вправе отнимать ничью жизнь, даже у самого маленького жучка, потому что я странник.

Я странник, я бережно отношусь ко всему в этом мире. Разрушение не по мне, потому что я странник.

Я странник, мной движет только интерес, а не желания и страсти, потому что я странник.

Я странник, у меня нет желаний, они связывают, они могут сбыться, и тогда за них придётся платить. Для меня важно быть здесь и сейчас, потому что я странник.

Я странник, я могу взять на себя заботы этого мира, а могу просто пройти мимо, потому что я странник.

Я странник, я звено бесконечной цепочки и если она порвётся, то лишь на миг. Я об этом уже не узнаю, да и не хочу знать, потому что я странник.

Я странник, я пришёл в этот мир неуёмным любознательным ребёнком и останусь им навсегда, потому что я странник.

Я странник, дети, животные и женщины признают меня своим. Большинство же людей держатся поодаль, потому что я странник.

Я странник, я стараюсь не оставлять следов. Если это не удаётся, ну и пусть, потому что я странник.

Я странник, я люблю мир, в который пришёл, и буду его любить всегда, пока я здесь, потому что я странник.

Я странник, и сколько бы я не пробыл в этом мире, я буду помнить кто я, потому что я странник.

Я странник, я давно позабыл те миры, через которые прошёл, и не очень хочу их вспоминать, потому что я странник.

Я странник, и всё, что происходит со мной, я принимаю как вызов, потому что я странник.

Я странник, мне безразлично добро и зло, ведь они придуманы людьми для оправдания поступков и мыслей. Мне незачем оправдываться, потому что я странник.

Я странник, я знаю, что другие миры ничуть не лучше и не хуже, они другие, потому что я странник.

Я странник, и если кто-нибудь не верит мне, то мне все равно. Потому что я странник.

Я странник

.....

Книга снов

Маленькая победа духа

Он ловил мысль, но она ускользала. Казалось, что ещё чуть-чуть, – и она будет ручной, управляемой, но ничего не получалось. Это длилось очень долго, раз за разом он ухватывал кончик мысли и пытался вытащить её из небытия, но она снова и снова исчезала, извиваясь шёлковой невесомой лентой. Он где-то, самым краем сознания, понимал, что если исчезнет последняя мысль, он погибнет, и это будет его последняя недодуманная и понятая мысль. Может быть, она никому и не нужна, эта мыслишка. Но всё равно она была последним рубежом, за которым наступит небытие. И он боролся за неё, не позволяя исчезнуть. Мысль не хотела, чтобы её приручили, и хотела свободы, но он раз за разом тянул её к себе и рассматривал с разных сторон, и ей пришлось смириться. Так смиряется рыбка, пойманная в реке и брошенная в ведро с водой.

Мысль была воспоминанием о том, что он видел совсем недавно. Сначала был хаос, но раз за разом мысль открыла ему свою тайну. Он увидел дорогу, пелену снега, сквозь которую на него выбегали пары ярких неземных глаз и, проносясь мимо, исчезали. Казалось, это длилось вечно, он уже

привык, как вдруг он увидел, что всё изменилось. Свет летел на него. Он зажмурился, но огонь не погас, а стал ярче, и всё взорвалось. Свет проник в него вместе с чудовищным грохотом. Мысль сочла, что дело сделано, и снова попыталась ускользнуть. Он поймал её и стал просматривать её, раз за разом всё явственнее осознавая происшедшее.

Наконец он понял, что ему остался только разум и эта мысль. Больше ничего не было от того мира, к которому он привык. Он обрадовался – есть за что зацепиться. Теперь можно не спешить и вспомнить всё, что происходило до того, самого последнего, момента. Что стало после, для него было совершенно очевидно. Его разум, приручив одну мысль, начал собирать самого себя по кусочкам из небытия, как бы вылавливая воспоминания о прошлом из океана с мутной и густой водой. Вся жизнь прошла перед его внутренним взором. Он вспомнил, что так должно быть при умирании. Но он был против, и воспоминания отошли в глубину. Теперь он пытался ощутить себя, полагая, что истина, повторенная до него миллионы раз, – «пока борешься, ты жив» – верна.

Он успокоился и собрался. Мир вокруг остановился, и можно было попытаться взять под контроль то, что уцелело после произошедшего в ночи. Он собирал свою память по кусочкам, пока не понял, что всё цело. Только стало черно-белым и нейтральным; эмоции, сопровождавшие его всю жизнь, отсутствовали вообще. Он решил, что пришло время почувствовать своё тело. Но это казалось невозможным.

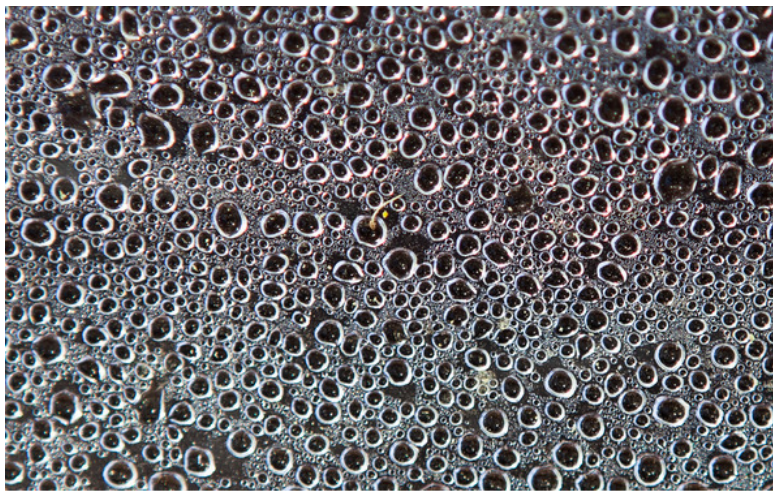
Оно не отзывалось и не слушалось. Даже ничего не чесалось, и это казалось самым неприятным. Он решил собрать своё тело, полагая, что мозг временно отключился от него. Он помнил, что такое называют комой и тогда у него ещё есть шанс.

Раз за разом он отправлял команду рукам, ногам, губам, но не получал никакого отклика. Но он был упрям, он всегда был очень упрям, особенно сейчас, когда некому было возразить. И, наконец, что-то получилось, он почувствовал кончик пальца. Воодушевлённый успехом, он начал охоту за вторым, потом третьим, пока не почувствовал всю кисть. Потом он проделал то же со второй рукой, ногой, второй ногой. Тело откликалось. Пришло время, и он отыскал сердце, которое сначала неуверенно, а потом всё чётче и чётче стало отмерять ритм жизни. Его новой жизни. Это был прорыв, и он очень гордился собой.

Теперь лицо, оно не хотело откликаться очень долго, но, в конце концов, он почувствовал губы. Ему помогла память давнишнего лёгкого поцелуя, который стал вехой в его нелёгкой жизни. Он ощутил лицо и уши, сразу поплыли давно забытые звуки и мелодии, которыми он некоторое время наслаждался, забыв о поставленной цели. Он чувствовал себя возродившимся из небытия, и чувство радости наполняло его мягкими тёплыми волнами. Ему вспоминались стихи о птице Феникс, и показалось, что это написано о нём.

И вот свершилось, он понял, что может чувствовать

и управлять своим телом, как раньше. Пора просыпаться, пришло время вернуться в родной мир, по которому он страшно соскучился. Он ещё раз вспомнил прошлое, пробежался по закуткам памяти и решил, что готов к новой жизни.

И тогда он собрался с силами и решительно открыл глаза.
И он понял – его давно уже нет...

Озеро

Спокойный и глубокий сон поймал меня, когда я сидел в кресле в тени огромных ив на берегу уютно журчащего ручейка. Я обнаружил, что стою на берегу озера в Карелии. Время уже позднее, но солнце стоит ещё высоко у меня за спиной. Надо мной бездонное интенсивно синее небо и озеро как зеркало, в котором отражается небо и небольшие белые облачка, медленно плывущие по нему. Слегка напрыгшись, я вспомнил трудный день, который начался в кузове грузовика, выгрузившего нас недалеко от озера, потом пеший переход и возня на берегу по постановке лагеря. Весь день полчища кусачих насекомых от мошек микроскопического размера и классических, но жутко агрессивных крупных комаров, а также мухоподобных оводов тучами кружили вокруг нас и норовили испить человеческой крови. Лишь в те моменты, когда над нами проплывали лёгкие белые облака, жившие в их тени ветерки разгоняли кровопийц. Но всё это было в прошлом, а сейчас день завершён и можно расслабиться.

Я вышел на мостки, уходящие на пару десятков метров от каменистого берега и позволявшие подойти к воде минуя болотину, которая бдительно сторожила озеро со всех сторон. Лёгкий ветерок дул с озера и отгонял мерзопакостную летучую живность в сторону берега. По идеально гладкой во-

де плавали три пары уток, которые, не особо опасаясь меня, ныряли почти у края мостков. Блаженство охватило меня и я начал проваливаться в сон. Хотелось лечь на старое дерево мостков, опустить руки и ноги в тёплую и невероятно мягкую воду. Чтобы не упасть, я поднял руки к небу и как бы упёрся в него. Сон навалился на меня, глаза закрылись, мир исчез.

Я стоял на берегу того же озера, но теперь оно было совершенно иным. Вместо чахлой растительности и болот вокруг озера был настоящий лес, вода была безумно синяя и прозрачная настолько, что на дне были видны выходы серых скал. Кто-то или что-то, наполнявшее всё вокруг заговорило. Голос с лёгким шуршанием поведал мне, что я попал в Гиперборею – страну своих предков и могу осмотреться и спрашивать о чём угодно. Только времени у меня немного, надо использовать его как можно полно. Я подумал, что было бы очень интересно узнать, как воспринимали мир мои предки, но тот же голос посоветовал не пытаться спрашивать об устройстве мира, оно слишком примитивно, моя цивилизация ушла далеко вперёд. Я попросил рассказать что-то, что вечно и не зависит от уровня цивилизации, тем более что времени очень мало. Голос сделал паузу, мир вокруг затих. Я понял, что не дышу и не чувствую тела вообще, оно как бы слилось с окружающим миром. Лишь облачка озноба бродили внутри. Голос снова зазвучал во мне как далёкая песня:

– Зачем нужен этот тёплый, длинный, летний день с лёг-

ким тёплым ветерком, бесконечным синим небом и белыми облаками?

– Чтобы понять, как прекрасен этот мир, как хорошо, что он есть, и мы можем его созерцать.

– Зачем нужны тёмные, длинные, холодные, пропитанные ледяными ветрами зимние ночи?

– Затем, чтобы понять, как прекрасен этот мир, как хорошо, что он есть, и мы можем его созерцать.

И тут я неожиданно для себя добавил:

– ЛЕТОМ! – как бы продолжая слова Голоса.

Мир откликнулся аплодисментами, воплями и сон в Гиперборее закончился. Я снова стоял на мостках лицом на восток, а от меня веером разлетались испуганные утки, громко хлопая крыльями и крикая на все голоса. Я протянул руки и почувствовал, что в них скользят тонкие серебряные нити, привязанные к уткам и достаточно сжать посильнее руки, как стая птиц унесёт меня прочь. Я смотрел, как они с трудом набирают скорость и понял, что мой вес для них чудовищно велик. Руки разжались, нити выскользнули из пальцев, и освобождённые птицы начали набирать высоту и вскоре, лишь пятнышко в небе над горизонтом напоминало о них.

Я проснулся в своём привычном мире, во всём теле была удивительная лёгкость, журчал ручеёк и пели мелкие птички.

Восход

Полнолуние. В окно не видно луны, но я знаю, что она есть. Уже давно перевалило за полночь. Расслабляюсь и засыпаю. Понимаю, что сплю, и что мир, раскрывшийся передо мной, нереален, но всё же.

Каменистый гребень горного хребта лежит передо мной, слегка поднимаясь вправо. Раннее утро. Небо ещё тёмно-синее с фиолетовым оттенком. Воздух невероятно прозрачен, холоден и чист. Чувствуется, что здесь очень высоко, за четыре тысячи, на границе снега и льда. Ничего зелёного, только камни и сильный ветер, дующий с востока. Поднимаюсь над хребтом. Видны зелёные долины и занесённые снегом вершины. Солнце только-только вышло из-за цепи гор вдали и выглядит огромным оранжевым шаром, парящим над далёкими горами. Длинные тени растянулись вниз.

Осмотревшись, понимаю, что я тут не один. На кромке хребта стоит юноша в яркой расстёгнутой рубашке, полы которой развеваются на ветру. Он поднял руки вверх и стоит навстречу солнцу и ветру. Его куртка небрежно брошена в расщелину между камней. Поодаль, на обломках скал, слегка закрывающих от ветра, сидит девушка в длинной светло-серой куртке с капюшоном, поджав ноги и скрестив на груди руки. Она устроилась вполоборота и тоже смотрит на восходящее солнце. В её глазах горит и переливается

ся оранжевое солнце. Ясно, что они пришли сюда вместе, но сейчас каждый сам по себе, наедине с ветром и солнцем.

Понимаю, что всё это мой сон. Поэтому хочу почувствовать то, что чувствуют они, непонятно как сюда попавшие ранним утром. Подхожу к девушке и сливаюсь с ней. Чувствую то, что чувствует она. Тёплая куртка не только закрывает от ветра, но и служит ковриком, не пропуская холод камней. На лице, обдуваемом ветром, тепло от лучей солнца. Это тепло проникает внутрь и струится по всему телу. Из чувств – только лёгкость и блаженство. Становится неудобно, как будто подсматриваешь в замочную скважину.

Иду к юноше. Он кажется неподвижным, но это только издалека. Волосы развеваются на ветру, да и сам он слег-

ка покачивается под упругими толчками ветра. Сливаюсь с ним. Свет солнца смешивается с ветром, и вместе проходят насквозь, вынося весь мусор и усталость. С одной стороны ощущение прозрачности и лёгкости, с другой, силы и единства с землёй. Оставляю его наедине с горами, ветром и солнцем.

Не хочется расставаться со сном, но чувствую, что пора. Поднимаюсь всё выше и выше. Пытаюсь понять, где же я был. Похоже, что это Тибет. Просыпаюсь. Весь окоченел, руки ноги не гнутся, как будто уснул на морозе, хотя в комнате тепло. Смотрю на часы. А ведь на Тибете действительно встаёт солнце...

Валун

Валун лежал на берегу озера уже несколько миллионов лет. В молодости он пропутешествовал вместе с ледником сотни километров, но ледник растаял, и валун решил провести остаток своей жизни в хорошем и спокойном месте.

Валун был нетороплив и любил поспать. Проснувшись в очередной раз, он не спеша осматривался вокруг. Ему казалось, что мир неизменен, как и он сам. Небо было всегда одно и то же, правда, цвет его менялся от ярко-голубого до чёрного в крапинку. Сколько валун помнил, местность вокруг оставалась почти неизменной. Кусты на берегу озера плавно меняли свои очертания и цвет листвы, которая иногда исчезала. Весёлые берёзки меняли рост и перепрыгивали с места на место. Иногда среди них появлялись серьёзные сосны, которые не торопились никуда перебираться, а на их месте впоследствии появлялись сухие чёрные свечи. Цветы вообще были непоседами. Они вспыхивали на миг и исчезали.

Иногда валун не мог ничего увидеть вокруг, поскольку был занесён снегом. Это валун не беспокоило, он знал, что при следующем его пробуждении снега, скорее всего, уже не будет.

С веками валун стал замечать, что он всё глубже погружается в землю, которая становилась всё мягче и добрее. Его поверхность покрылась морщинами и мхом. Он понимал,

что рано или поздно рассыплется на мелкие куски, каждый из которых будет подобен ему, и радовался, что его потомки-камни будут крепче его, так как самые непрочные его части к тому моменту превратятся в прах и останутся в земле. Понимал он, что рано или поздно и камни превратятся в песок, а потом в пыль, и это тоже радовало, поскольку тогда они смогут продолжить его путешествие, начатое миллионы лет назад.

День и ночь

Я проснулся. Наверно это и называют рождение. Всё вокруг ново и непонятно. Верх и низ, небо и земля, покой и плеск воды в ручье. Мир меняется и переливается. Калейдоскоп картинок и звуков, вихрь впечатлений. С каждой минутой мир расширяется и становится более чётким и ясным. Восторг сменяется необходимостью. Куда-то исчез красивый камушек, который я держал в руке, сколько себя помнил. Его хочется найти, но, увы, он исчез бесследно. Все силы уходят на поиск волшебного камушка, а вместо него попадают обычные. Но вот у меня уже целый мешочек великолепных камушков. Своё богатство я ношу с собой и, перебирая камушки, вспоминаю свой первый и самый красивый. День прошёл через зенит. Я озираюсь вокруг, сравниваю своё богатство с тем, что есть у окружающих. Хвастаюсь перед неудачниками, завидую богачам. Ну ничего, наступит ночь, а потом новое утро и я догоню их. С этой мыслью я засыпаю, крепко прижав к груди мешочек с камушками. Странные глупые сны приходят ко мне, но я их забываю, я жду новое утро.

Наступило утро. Вчерашний день почти позабыт. Но руки ищут на груди что-то очень важное. Ничего нет. Всё надо начинать сначала. Неясно что, как и, самое главное, зачем, но надо. Стал разумнее, чем в первый день. Присматрива-

юсь к окружающим. Кто-то собирает мелочь, а кто-то поумнее ищет крупные камушки. Учусь у них. К вечеру накопил целое состояние. Прячу его под подушку и засыпаю. Во сне я вижу кошмары. Кто забрался ко мне под подушку и стащил накопленное богатство накануне. Просыпаюсь в холодном поту, обшариваю всё вокруг, переворачиваю ложе и понимаю, что я опять должен начинать сначала.

Обида захлёстывает меня противной мутной волной, но я решаю не сдаваться. Теперь я понял, что лучше и легче просто отнять у тех, кто это уже имеет. Оглядевшись, догадался, что я не один такой. Ну что же, тем лучше. Огромный сундук, набитый доверху нашёл своё место в маленьком гроте на необитаемом острове посреди океана. Рядом беспробудно спят надёжные сторожа. Они помогли мне добыть и надёжно спрятать моё богатство. Я устал и засыпаю, предвкушая какое удовольствие я получу, открыв поутру сундук, и как славно пройдёт мой завтрашний день.

Однако сон был длинным и тяжёлым. Здоровенный чёрт жарил меня на гигантской сковородке. Периодически он встряхивал её и проверял меня на готовность, тыкая ржавой вилкой в бока. Вонь и духота вокруг были просто фантастические. По мере зажаривания я стал вспоминать прошедший день. Передо мной проносились образы тех, чьи жизни были искалечены или вообще загублены ради заполнения заветного сундука. Я смотрел в их глаза, переживал события вчерашнего дня с их позиции, и грусть охватывала меня. Нако-

нец чёрт удовлетворился своей работой. Он вытряхнул меня в сильно помятую грязную миску, и его помощники поволокли её куда-то наверх. Мне это изрядно надоело, и я проснулся.

Наутро я был полон сил и готов плыть на далёкий остров в поисках спрятанного богатства. Но карта пропала, воспоминания смутны и море оказалось невероятно далеко от дома. Но что-то неумолимо толкало меня вперёд. И вот я на корабле. Теперь он мой. Но островов безумно много, нужный никак не удаётся найти, а время идёт. Пора на покой и я понимаю, что нужный остров не найти, хотя день прошёл отменно. За время странствий я приобрёл очень много того, о чём только мог мечтать раньше. Засыпаю в кругу друзей легко и спокойно.

Глубокий сон поглотил меня. Я почувствовал себя невесомым и счастливым. Тёплые потоки воздуха шевелили мои крылья и поднимали вверх, прохладные несли вниз к земле. Ощущение полной свободы сменялось чувством абсолютной власти потока над крохотным телом с маленькими крылышками. Мимо проносились мотыльки, бабочки и птички, которые беззаботно щебетали и ловили мотыльков и бабочек. Среди мотыльков жила легенда о великом огненном цветке, который расцветает в только ему одному известное время. Найти его нелегко и если повезёт, то можно слиться с ним на мгновение и стать его частью. Однако жар цветка может опалить крылья, и ты погибнешь, так и не слившись с цвет-

ком. Мне невероятно повезло, и огненный цветок раскрылся неподалёку. Туча мотыльков летела прямо на цветок, но никто так и не долетел. Я знал, что сплю и опыт подсказал, что подлетать надо снизу и с восходящим потоком оказаться внутри цветка. Последнее усилие и я расслабленно жду момента входа в цветок. Возбуждение и лёгкая грусть, ведь я сейчас покину этот замечательный сон. Вот он и наступил момент, который описан в легенде. Жар пронизывает всё тело, оно растворяется в энергии. Я ощущаю себя частью этой энергии и самым огненным цветком. Я просыпаюсь.

Сон мотылька был со мной. Я искал подобную легенду наяву, но ничего не мог подобрать. Наконец, я решил, что революционная борьба наиболее близка к легенде. Тот же поиск огня, приближение и всплеск. Всё должно получиться и восторженная толпа понесёт меня на руках к дворцу. За миг обладания властью можно рискнуть. Я окунулся в поиск врага и борьбу с ним. Неважно за что, главное, чтобы противник был велик и могуч. Результат был простой и ясный. Мне нашлось место на койке в клетке, где успокоившись, я погрузился в новые и красивые сны.

Шло время. Я засыпал и просыпался. С каждым днём всё труднее было понять, где сон, а где явь. Постепенно я научился засыпать и смотреть прекрасные сны днём и просыпаться во время глубокого ночного сна. Я понял, что ничего не удастся взять с собой в сон и ничего принести оттуда. Сны стали более полными и явственными, а бодрствование –

частью прекрасного сна. Во сне начали сниться прекрасные сны и, настал момент, когда бодрствование перестало существовать, поскольку его нельзя отличить от сна. Я больше не просыпаюсь...

Эстакада

Это был сон, но не обычный, а потому достойный внимания. Всё время я понимал, что сплю, но ощущение реальности событий не позволяло отключиться от них и проснуться. Проснувшись, я записал его, стараясь не упустить детали.

Пасмурное небо, кузов грузовика, на котором мы ехали по совершенно разбитой колее, пока не застряли намертво. Вылезали по очереди, тихо чертыхаясь и матюгаясь. Начальник коротко объяснил, что надо быстрее подниматься по недостроенной эстакаде. Туда, на самый её конец должен прилететь вертолёт, чтобы нас забрать. Только надо спешить, а то все могут не поместиться. Последнее меня задело, я стал включаться в ситуацию. Вспомнить прошлое не удавалось. Прикинул, что нас тут два десятка и надо тащиться по брошенной стройке явно больше километра. Везде торчали куски арматуры, куски бетона, проволока, доски да ещё грязь, пропитанная ржавчиной. По оси эстакады много брошенной техники, значит, стоит идти ближе к краю. Осмотрел себя и огорчился. «Не шибко удачный экземпляр человеческой породы, явно немолод и хиловат», – подумал я и пошёл вслед за остальными, которые уже довольно далеко ушли вперёд и разбрелись по всей ширине. Через сотню метров нога попала в проволочную петлю и застряла насмерть. Стал дёргаться, но петля в ответ затягивалась всё сильнее. «Так не го-

дится, надо включаться, а то этот заморыш оторвёт себе ногу», – подумал я и стал осматриваться, прекратив дёргание. В метре от себя заметил выдавшуюся виды лопату. С трудом дотянувшись до неё и вляпавшись в грязь, я поднял чудо инженерной мысли и рассмотрел поближе.

«Лопата, как лопата», – подумал я и с её помощью освободил ногу от проволоки. Нога была помятой, но не повреждённой, кроссовка выглядела просто ужасно от ржавчины, которая была похожа на кровь. Опираясь на лопату, побрёл снова к заветному концу эстакады, совершенно не рассчитывая на успех. Внимание опять притупилось.

Неожиданно слева от себя увидел одного из рабочих, с которыми мы ехали в грузовике. «Интересно, почему он так отстал, ведь здоровый и крепкий мужик», – эта мысль несколько возбудила внимание. Он шёл параллельно, постепенно приближаясь. Мне это перестало нравиться. Подойдя вплотную, он тихонько подал меня плечом в сторону края эстакады. Это было уже неприятно и опасно. Ещё несколько шагов и толчок сильнее. До края уже оставалось немного.

Я полностью включился в ситуацию. «Он явно сильнее и спихнёт без особых усилий, надо использовать его глупость и самоуверенность, пока ещё не поздно», – подумал я и гнусным голосом заныл, что я боюсь высоты и могу упасть и разбиться.

– Так это и требуется, – усмехнулся он.

– Будешь третьим, совершившим полёт с эстакады, – наг-

ло сообщил он мне.

Стало ясно, почему он отстал от группы. Я завыл ещё сильнее и схватил его за полы пальто, медленно сползая на землю. Когда колени плотно встали на землю, а его ноги оказались под моими руками, резко дёрнул его на себя. Он шмякнулся в грязь, совершенно не понимая, что происходит, я схватил лопату и замахнулся на него. Но удар не получился. Оказывается, что не просто ударить человека ребром лопаты даже во сне. Получился шлепок по спине, который только привёл его в чувство. Понимая, что ударить, как следует, я не смогу, решил с ним договориться. Мол, я тебя не трогаю, и ты меня оставь в покое. Понятно, что такого свидетеля он бы не потерпел, но лучшее в голову не приходило.

Для доходчивости я упёрся лопатой ему в грудь и подтолкнул к краю. Он смотрел на меня и согласно кивал головой, а потом резко потянул на себя лопату, схватив её двумя руками. Пришлось её отпустить, чего он совершенно не ожидал и, обнявшись с моей любимой лопатой, перевалившись через край эстакады, ушёл вниз, напоследок обозвав облезлой конторской крысой. Это мало что дало мне, но прорисовало статус в прошлом, до эстакады. Внимание снова ослабло и я, тупо глядя под ноги, побрёл вперёд и вверх.

Через несколько минут я увидел слева фигуру, которая еле тащилась. Подойдя поближе, я увидел Костю, который шёл сильно хромя и опираясь на кусок арматуры.

– Проволочная петля, – коротко сказал он, когда я был рядом.

– Вот бестолковка, так и на вертолёт опоздаем, – проворчал я.

Мне удалось обнять его за пояс, и мы поплелись вместе, беззлобно ругаясь в адрес строителей, оставивших такой бардак. Костя, имя которого пришло непонятно откуда, был технарь и тоже задохлик. Вдвоём мы замечательно смотрелись. Я рассказал ему об инциденте с лопатой, но он отказался верить. Я не настаивал, и мы медленно брели вверх.

Следующий момент, который потребовал полного включения, возник очень быстро. Перед нами в трёх метрах стоял наш охранник с пистолетом в руке. Он улыбался и был совершенно недостижим. С усмешкой он сообщил, что у него всего один патрон, потому второго он добьёт ногами. В голове пронеслось, что остальные шесть патронов остановили шестерых и внутри всё похолодело.

Увидев, что мой напарник и так с покалеченной ногой, он направил оружие на меня. Я вспомнил, что он хвастался, что попадает в монетку, подброшенную в воздух, и это собрало меня в комок. Я смотрел ему в глаза и ждал момента, когда он нажмёт на курок, чтобы за долю секунды прыгнуть в сторону. Я уже не был «конторской крысой». Сомневаюсь, что в реальной жизни я на такое способен.

Но всё произошло иначе. Костя сделал рывок и оказался между нами. Грохот выстрела, и он отброшен на меня. С тру-

дом удержав равновесие, я обнял его и в моей руке оказался кусок арматуры, который был для Кости опорой. Ухватив арматуру, я медленно опустил Костю на землю. Когда я посмотрел на охранника и встретился с его глазами, мне стало ясно, что бой выигран. Медленно подошёл и крутя над головой орудием не нашёл ничего лучшего как ударить по руке, держащей пистолет, который был уже совершенно бесполезен. Перебитая в плече рука повисла как плеть, но противник очнулся. Понимая, что у меня остались доли секунды, нанести удар по голове я не смог и, обойдя голову по дуге, арматурина ударила по ногам.

Противник рухнул в грязь. Он был понятливым. Когда я обходил его по большой дуге, он яростно ругался и требовал, чтобы его добили. Сделать такое даже во сне не мне удалось, поэтому я отбросил ненужную железяку и медленно пошёл дальше.

Обойдя брошенный трактор, я увидел стоящий вертолёт, от которого отделилась фигурка и быстро стала приближаться. Это был наш начальник. Он обхватил меня за пояс, так же как я когда-то Костю и решительно поволок к вертолёту. Я почти не касался земли ногами, но, понимая, что сон скоро кончится, я рассказал обо всём происшедшем. Он выслушал молча, сопя и скрипя зубами. Когда я сказал, что охранник недалеко и его ещё можно забрать, он посмотрел на меня как на сумасшедшего и ничего не ответил, а только повернул меня спиной к вертолёту. Снизу напозала вода, а точнее

жижа коричневого цвета. Зарычал двигатель вертолѐта, чьи то сильные руки втопили меня внутрь. Последнее, что осталось в памяти, так это стакан с какой-то вонючей жидкостью в руке, дрожащий в ритме движка вертолѐта.

Сон кончился, и я проснулся с бешено колотящимся сердцем. Чужой серо-коричневый мир остался где то позади вместе с людьми на эстакаде.

Ночной урок

После трудного дня сон пришёл быстро обычным в такой ситуации пересмотром дневных впечатлений. Постепенно дневная усталость ушла, и началось самое интересное.

Появился благообразный старик и спросил, не хочу ли я чему-нибудь эдакому научиться. Получив согласие, он сел рядом и не спеша начал рассказ. Главное, что я понял, заключалось в том, что все ожидающее меня будет происходить также во сне. При этом он предупредил, что, возможно, задания придётся начинать многократно, поскольку нельзя делать следующий шаг не пройдя предыдущий. Спорить не хотелось, и я уснул. Снова уснуть во сне было в диковинку, но получилось на удивление очень легко.

Вновь появился тот же старик и повёл меня по улицам ещё не проснувшегося города. Через несколько минут мы остановились у высоких ажурных ворот в каменной стене, и я понял, что мы подошли к кладбищу. Ну вот, подумалось мне, бред собачий, а не уроки. Меньше всякого разного читать надо, сказал я себе.

Старик понял мои сомнения и развеселился:

– Это место хорошо для настройки, здесь просто спокойно и никакой чертовщины не предвидится, – успокоил меня.

Ответ, как ни странно, меня успокоил, и мы вошли в ворота. Утренний ветер слегка шевелил листья старых дере-

вьев, которые стояли вдоль аллеи, по которой мы шли, вдыхая запахи влажной, ещё не прогретой дневным теплом земли. На самом краю кладбища мы увидели холмики земли рядом с подготовленными могилами. Подойдя к одной из них, старик, усмехаясь над моим недовольством, объяснил, что для начала надо пройти через собственную смерть и освободиться от мусора в душе и бесполезной мирской суеты.

Ехидно улыбаясь, я поинтересовался, не следует ли мне залезть в могилу, что бы он мог ею засыпать.

– Да, конечно, иначе, зачем бы мы сюда пришли? – совершенно спокойно ответил старик. Лезть в сырую холодную землю, когда вокруг ранее утро и блаженство, страшно не хотелось.

Старик с милой улыбкой поинтересовался, не раздражает ли меня отсутствие гроба, и это было последней каплей. Тут я разозлился и решил проснуться. Стало ясно, что это только начало, самое трудное впереди.

– Послушай, Старик. Я не могу исполнять команды, не понимая конечной цели», – взмолился я.

– Увы, я не смогу тебе рассказать всего словами. Надо пройти самому этот путь. Когда успокоишься и отдохнёшь – позови, – сказал он и исчез.

Свернувшись калачиком на куске картона от какой-то упаковки, я уснул. Дальше последовал обычный калейдоскоп снов, которые ничего не значат и, потому не запоминаются. Когда я вновь открыл глаза, Старик спокойно стоял

рядом и ждал. Так-так, сон то не кончился, дошло до меня. Чувство опасности шевелилось на границе сознания.

– Ну, раз ты такой упрямый, давай сделаем по-другому. Ты ещё не передумал учиться? – наконец произнёс он.

Трудно передумать, если до этого не думал вообще, поэтому мне пришлось энергично потрясти головой и бодро встать с изрядно отсыревшей картонки. Мир закачался и на миг рассыпался. Мы стояли у входа в пещеру. Вокруг, насколько хватало взгляда, были горы. Те, что поближе, были яркие и зелёные, а те, что подальше, казались синими и нечёткими. Безоблачное фиолетовое небо, яркое солнце и прозрачный прохладный воздух говорили о большой высоте. Пещера оказалась очень маленькой и, в то же время, казалась просторной и не ограничивала движения и взгляд. Мы уселись под сводом пещеры у входа, так, что горный пейзаж начинался у самых ног. Весь повседневный мир оказался за горизонтом и казался не более чем бестолковым сном.

– Ну, ты готов к путешествию, из которого можно и не вернуться? – спросил Старик.

По-видимому, у меня на лице было сомнение. Мир рассыпался, и я оказался на площади восточного городка. Вокруг кричали и толкались люди. Шпарило солнце. На одну ногу наступили, а по другой проехало колесо тележки. Этот мир мне не понравился и, как только я это осознал, он рассыпался. Когда мир собрался вновь, я оказался за большим столом. Вокруг сидели люди. Все ели и пили. И хотя все весе-

лились, было ясно, что здесь каждый сам по себе и его точат сомнения и проблемы. Все понимают, что застолье кончится, а заботы, отогнанные на время Бахусом, вернуться и возьмут своё. И этот мир мне не понравился.

Я зажмурился и оказался снова в пещере рядом со Стариком.

– Ещё хочешь? – с улыбкой спросил Учитель.

Тут я понял, как должна была выглядеть улыбка иезуита.

– Нет, хорош, а то ты меня куда-нибудь на войну закинешь или в газовую камеру, – ответил я, на что старик рассмеялся, и горы снова исчезли, уступив место залу с высокими сводчатыми потолками.

Играла негромкая музыка. Передо мной танцевали слегка одетые девушки. На столике рядом с удобным креслом стояли стаканы с напитками и вазы с фруктами. Идиллия, подумал я, тут можно и пожить. Оглянувшись вокруг, увидел Старика, который стоял за моей спиной и усмеялся. Жизнь понеслась с огромной скоростью, менялись девушки, исчезали и появлялись блюда с изысканной едой, и вот уже процессия входит на кладбище, и женщины плачут над свежей могилой.

– Ну, ты и змей, – только и смог сказать я Старика, прежде чем мир снова рассыпался, и я увидел горы перед собой.

Три перехода отняли кучу сил, и я задремал, опустив голову на грудь. Когда я в очередной раз проснулся, солнце сильно сместилось на небе, а горы почти не изменили свои очер-

тания. Возникло ощущение реальности и серьёзности происходящего. Старик был рядом и, казалось, тоже только что пробудился. Я понял, что он хочет спросить, и отчаянно затряс головой.

– Вот и хорошо, – сказал старик, – теперь начнём работать по настоящему.

Смысл сказанного стариком я бы изложил так. Сначала необходимо найти границу между жизнью и смертью и научиться сохранять на ней равновесие. Для этого надо пройти её туда и обратно несколько раз. Это, пожалуй, самое трудное. На этой границе есть что-то, что можно назвать щелью, проходом, дверью, через которую можно попасть в узкий и длинный коридор или туннель. Надо найти это место и войти в коридор. Ошибка в реальном мире может быть последней, поэтому делать все это следует только во сне. Рассказанное стариком показалось мне похожим на описания людей, переживших клиническую смерть, о чем я бодро поведал старику и спросил, должен ли я увидеть в конце туннеля светящееся существо или бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.